

Николай Аксаков

**Людвиг Кондратович (Вл.
Сырокомля)**

Николай Петрович Аксаков Людвиг Кондратович (Вл. Сырокомля)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779295

Аннотация

«Счастлива участь критика, желая ему приходится имѣть дѣло съ такимъ произведеніемъ художественнаго, творчества, которое не только вполнѣ соотвѣтствуетъ готовымъ, уже сложившимся эстетическимъ требованіямъ, но развиваетъ и распространяетъ самыя эти требованія, ломаетъ и расширяетъ тѣ готовыя рамки, по которымъ привыкли мы судить и оцѣнивать изящное. Критикъ, въ этомъ случаѣ, не преподаетъ уже только, какъ это часто бываетъ, давно извѣстныя уроки свободному творчеству, но самъ является въ качествѣ его участника, вдохновляется имъ и поучается, и ему остается только перелagать порывы свободнаго генія въ строгую мысль о формахъ прекраснаго, его сущности и значеніи. Если эстетика, какъ наука о прекрасномъ и нуждается въ философско-догматическомъ выраженіи и построеніи, то не подлежитъ, никакому сомнѣнію, что творится она, по преимуществу, не мыслителями-теоретиками и практиками-художниками, свободному творчеству которыхъ она, по временамъ, можетъ открывать новые пути, постановлять новыя задачи, но для котораго никогда никакая

наука не может издавать обязательных законов, – стѣснять область возможных для него задач...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Николай Петрович Аксаков

Людвигъ Кондратовичъ

(Вл. Сырокомля)

(Опытъ характеристики)

Счастлива участь критика, желая ему приходится имѣть дѣло съ такимъ произведеніемъ художественнаго, творчества, которое не только вполне соотвѣтствуетъ готовымъ, уже сложившимся эстетическимъ требованіямъ, но развиваетъ и распространяетъ самыя эти требованія, ломаетъ и расширяетъ тѣ готовыя рамки, по которымъ привыкли мы судить и оцѣнивать изящное. Критикъ, въ этомъ случаѣ, не преподаетъ уже только, какъ это часто бываетъ, давно извѣстныя уроки свободному творчеству, но самъ является въ качествѣ его участника, вдохновляется имъ и поучается, и ему остается только перелгать порывы свободного генія въ строгую мысль о формахъ прекраснаго, его сущности и значеніи. Если эстетика, какъ наука о прекрасномъ и нуждается въ философско-догматическомъ выраженіи и построеніи, то не подлежитъ, никакому сомнѣнію, что творится она, по преимуществу, не мыслителями-теоретиками и практиками-художниками, свободному творчеству которыхъ она, по временамъ, можетъ открывать новые пути, постановлять новыя за-

дачи, но для котораго никогда никакая наука не может издавать обязательныхъ законовъ, – стѣснять область возможныхъ для него задачъ.

Счастлива участь критика, когда приходится встрѣчаться ему съ новыми, свѣжими оттѣнками чувства, новыми, не только не избитыми, но и невѣдомыми еще образами, самобытнымъ и оригинальнымъ строемъ воображенія, новыми, смѣлыми, яркими красками, когда творческій духъ художника обогашаетъ и расширяетъ собственную его душу, вноситъ въ художественный міръ, задатки дальнѣйшаго творчества.

Но, въ особенности плодотворно и особенно сильно совершается обогащеніе и тогда, когда воспріимчивый и подготовленный взоръ критика не только встрѣчаетъ рѣдкія, во всякомъ случаѣ, «новшества» поэта – индивидуума, а проникаетъ въ художественную оригинальность творчества цѣлаго народа. Въ этомъ случаѣ цѣлый уже строй новыхъ типовъ, новыхъ образовъ, новыхъ красокъ чувствъ врывается въ его душу, обогашаетъ и расширяетъ художественный его горизонтъ. «Трудъ будетъ нашъ, – а жатва всемірная», – сказалъ А. С. Хомяковъ, о долго ожидавшейся, картинѣ Иванова, – и это снова вполне примѣнимо ко всякому, по истинѣ художественному, произведенію, – и всѣ народы могутъ быть участниками этой всемірно-эстетической жатвы. Въ этой общей жатвѣ проявляется одна изъ сторонъ истиннаго сближенія народностей. Въ области искусства народы сходятся всего ближе и всего непосредственнѣе, смотря другъ на

друга лицомъ къ лицу, потому что въ области искусства, и, преимущественно, поэзіи, выражаются не международныя условныя, сдѣланныя отношенія, а отношенія народа къ самому себѣ, такъ какъ искусство служить всегда выраженіемъ самыхъ глубокихъ, самыхъ искреннихъ и непосредственныхъ чувствъ и убѣжденій.

Но въ своемъ стремленіи достигнуть космополитической общечеловѣчности, дѣйствительно ли собираемъ мы жатву свою на общечеловѣческой нивѣ? Порываясь стать на общеевропейскій уровень, на общеевропейскую точку зрѣнія, толкуя объ общеевропейскомъ сознаніи, дѣйствительно всю ли, по крайней мѣрѣ, Европу, дѣлаемъ мы нивой для своей жатвы, при посредствѣ которой строимъ мы свое понятіе объ европеизмѣ? Не стараемся ли мы, совершенно наоборотъ, только наложить на себя личину издавна установившагося племеннаго аристократизма, подчиниться міросозерцанію, выработанному духомъ и потребностями нѣкоторыхъ только, упорно выдвигающихся на горизонтѣ исторіографіи, племень, «три языка только мняще, прочимъ же всѣмъ племенамъ и народамъ слѣпымъ веляще быти и глухимъ» по классическому выраженію Кирилла – первоучителя славянскаго. Наше понятіе о челоѣчествѣ, европеизмѣ представляется, такимъ образомъ, понятіемъ отвлеченнымъ, теоретическимъ, и, какъ таковое, оно навязывается цѣлому міру, стѣсняя свободную жизнь и самостоятельное развитіе каждой народной индивидуальности. Мы не имѣемъ, конечно,

никакого предубѣжденія противъ отвлеченныхъ теоретическихъ понятій, но они теряютъ истинный смыслъ свой и значеній, когда выставляются въ видѣ видѣ нѣсколькихъ примѣровъ, которымъ возможно только подражаніе. А теоретическій характеръ нашихъ ссылокъ на авторитетность общеевропейизма совершенно очевиденъ. Прежде всего, изъ понятія о челоѣкѣ вообще и понятія о челоѣкѣ европейскомъ мы заботливо и тщательно исключаемъ самихъ себя и всѣ то, что мы сами вносимъ и можемъ вносить въ это общее, родовое понятіе и нарушаемъ, такимъ образомъ, одно изъ существеннѣйшихъ условій логики. Мы получаемъ въ слѣдствіе того ужъ не понятіе о челоѣчествѣ и не понятіе объ Европѣ, а понятіе о «челоѣчествѣ *минусъ* мы сами», о Европѣ, за *вычетомъ* насъ самихъ». Въ ущербъ логикѣ мы колѣчимъ высокія и величественныя понятія выводами узкой, отрывочной теоріи, силимся стеснить свободно-развивающуюся, богатую жизнь, совершенно позабывая, что самыя понятія, самыя теоріи, растутъ и обогащаются сообразно съ возрастающею массою индивидуальныхъ требованій, которыя представляеть имъ всегда индивидуально слагающаяся жизнь¹.

¹ Мы вовсе, однако, не намѣреваемся отрицать, что многія изъ такъ называемыхъ европейскихъ понятій, — научныхъ, бытовыхъ и государственныхъ, представляютъ сами до себѣ, совершенно обязательную силу, и принятіе ихъ отнюдь не нарушаетъ самостоятельности народнаго духа, разумѣется, смотря по тому, какъ совершается самое это принятіе. Но общность, и потому, и обязательность понятій этихъ вытекаетъ вовсе не изъ европейской ихъ распространенности и европейскаго происхожденія, а изъ отвлеченно-разумной ихъ оцѣнки, которая одна можетъ дѣлать ихъ общими и обязательными. Гдѣ разумъ вступаетъ въ полныя

Міръ иберійскаго племени, богатая литература скандинавскихъ народовъ забываются нами точно такъ же, какъ и собственное наше богатство, и, стремясь отъ самихъ себя и собственного своего опредѣленія, мы не получаемъ и соотвѣтственнаго вознагражденія, совершая ущербъ самому себѣ. Только въ угоду искусственно-священному, отвлеченному понятію. Съ понятіемъ о человѣчествѣ и европейзмѣ совершается тоже самое, что и съ хваленымъ духомъ времени, о которомъ давно уже сказалъ Гете, что онъ есть

Vielleicht der Herren eigner Oeist
In dem die Zeiten sich abspiegeln, —

духъ самихъ писателей, въ которомъ времена только отражаются.

И такъ, отказываясь отъ собственной своей индивидуаль-

свои права, тамъ уже не можетъ быть рѣчи объ авторитетахъ, — все равно, будетъ ли такимъ авторитетомъ индивидуумъ, народъ или искусственно составленное понятіе объ европеизмѣ и человѣчествѣ. Гдѣ дѣйствуетъ разумъ, тамъ общность является сама собою, и нѣтъ необходимости стѣснять просторъ его подчиненіемъ какому бы то ни было авторитету, для того, чтобы не нарушалось единство. Единство окажется само собою, окажется свободно, но стѣсненіе авторитетами, какъ бы высоки сами по себѣ они ни были, или рамками, какъ бы широки не были эти рамки, мертвить и уничтожать свободную дѣятельность человѣка точно такъ же, какъ и народа. Ссылка на европеизмъ, какъ на эмпирическое указаніе, эмпирическое данное, то же самое, что ссылка на Аристотеля во времена схоластики, — схоластическое «*jurare ad verba magistri*» — тѣснящее и уничтожающее всякую свободную мысль. Несвободной же мысли быть, разумѣется, не можетъ; она была бы логической нелѣпостью.

ности, мы не только нарушаемъ самое понятіе объ общемъ, но и не дѣлаемъ даже причастниками этого условнаго общаго, а, просто на просто принимаемъ на себя личину чужой индивидуальности. Отказъ отъ индивидуальнаго строя собственной своей народности, есть преступленіе противъ челоѳчности – crime de lèse – humanité!

Но, въ особенноти, грѣшны мы въ этомъ отношеніи, передъ наиболѣе близкими, родственными намъ, племенами славянскими. Мы всѣ въ свое время воспитывались на Гете и Шиллерѣ, на Шекспирѣ и Байронѣ, на герояхъ и произведеніяхъ поэтовъ и романистовъ Франціи, обогащались принятіемъ въ себя индивидуальныхъ особенностей германскаго, англійскаго и французскаго народнаго духа, и самыя даже литературныя посредственности этихъ народовъ такъ, или иначе, оказывали на насъ свое воздѣйствіе. Никакая политика графа Бисмарка или лорда Биконсфильда не можетъ заставить насъ забыть Германію Шиллера и Гете или Англію Шекспира, Диккенса и т. п., которые всегда въ сознаніи нашемъ будутъ представляться могучими оправдательными документами народнаго духа. Мы жили когда-то, да и живемъ до сего времени одною братскою жизнью съ этими народами, переживаемъ ихъ внутреннюю народную жизнь, ихъ задушевные чувства, мысли и стремленія, потому, что, углублены въ ихъ народность, застаемъ ихъ у себя дома, знакомясь съ искусствомъ ихъ во всѣхъ видахъ и выраженіяхъ, и не можемъ порвать нѣкотораго родства съ ними, какъ бы

тяжелы ни были наши политическія международныя отношенія. Но совершенно иначе относимся мы къ племенамъ славянскимъ, родство наше съ которымъ несравненно существеннѣе и глубже. Вполнѣ чуждаясь проявленія народнаго духа ихъ и всей вообще внутренней ихъ, домашней жизни, будучи совершенно незнакомы съ художественными произведеніями ихъ творчества, мы совершенно естественно можемъ сходитья съ ними только на поприщѣ международныхъ, всегда, болѣе или менѣе, искусственныхъ политическихъ отношеній, а потому и зачастую можемъ видѣть въ нихъ только политическихъ недоброжелателей или политическій матеріаль. А, между тѣмъ, истинное сближеніе народностей требуетъ непосредственнаго ихъ ознакомленія другъ съ другомъ, а такое ознакомленіе можетъ совершиться только черезъ ознакомленіе съ непосредственными произведеніями народнаго творчества, выраженіемъ котораго является область искусства. Скажутъ, конечно, что и наше русское искусство, и наша русская литература, остаются совершенно неизвѣстными для большинства, по крайней мѣрѣ, славянскихъ племенъ. Но мало, что еще остается для нихъ неизвѣстнымъ, а главное мы говоримъ вовсе не о томъ, что должны дѣлать они, а о томъ, что должны дѣлать мы. Да и кромѣ того, показывать примѣръ къ нравственному сближенію, протягивать руку, — есть неоспоримое право сильнаго и не только право, но и священная его обязанность.

Отраднымъ въ слѣдствіе того явленіемъ можемъ считать

мы русскій переводъ произведеній одного изъ величайшихъ поэтовъ Польши – Людвигъ Кондратовича, извѣстнаго въ литературѣ подъ, псевдонимомъ Владислава Сырокомли.

Вопросъ о сущности и значеніи искусства и, преимущественно, поэзія уже давно, оставляется совершенно въ сторонѣ, и все, относящееся къ его области, довольно представляется отчасти туманнымъ, а потому мы и чувствуемъ себя обязанными сдѣлать нѣкоторую оговорку. Чтобы не представлялося голословнымъ все сказанное нами о значеніи поэзіи, какъ стихіи народнаго сближенія, сковывающей народности въ одну общую человѣчность при полномъ сохраненіи индивидуальныхъ особенностей каждой.

Дѣйствительно-ли въ поэзіи, даже и поэзіи истинной, выражается самая глубь души человѣческой, души самаго поэта, самая суть всего внутренняго его міра? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Напрасно пыталися, по временамъ, находить дисгармонію внѣшней, фактической жизни, жизненныхъ дѣяній поэта съ тѣми выраженіями его души, которыя составляютъ предметъ поэтическаго его творчества, и изъ этого чисто внѣшняго несогласія выводили заключенія объ искусственности, дѣланности всѣхъ поэтическихъ его настроеній, – доказательство лицемернаго его отношенія къ тому, что выставляетъ онъ своею святыней. Такое сужденіе, по меньшей мѣрѣ, близоруко и, во всякомъ уже случаѣ невѣрно. Развѣ всѣ дѣйствія человѣка одинаково сознаются имъ, одинако-

во имъ прочувствованы, исходятъ, если можно такъ выразиться, изъ одного и того же душевнаго уровня. Одно совершается подъ вліяніемъ охватывающихъ время и общество нравственныхъ вѣяній, совершается, потому безсознательно или полусознательно, другое дѣяніе объясняется привычкой, страстью, аффектомъ, временнымъ упадкомъ нравственныхъ силъ и т. п. Все это роняетъ, унижаетъ человѣка, какъ нравственнаго дѣятеля, служить доказательствомъ отсутствія самонаблюденія, нравственной строгости, безъ которыхъ человѣкъ падаетъ, попускаетъ себѣ; но развѣ слѣдуетъ отсюда, чтобы онѣ вовсе умеръ для добра. И вотъ, изъ глубины души его поднимаются чувства несогласныя, можетъ быть, даже совершенно противорѣчащія обычному, обыденному строю его жизни. Нравственное противорѣчіе, нравственная дисгармонія высказываются и выражаются съ полною силой. Это уже не тотъ человѣкъ, какимъ всѣ его знаютъ; мы подмѣчаемъ въ немъ чувства, слышимъ рѣчи какъ бы другаго человѣка и опрометчиво заключаемъ, что это рѣчи – для него чуждыя, что эти чувства – ложныя, напускныя, что его поэзія – искусственна и лицемѣрна. Либо въ поэзіи, говоримъ мы, сказывается рѣчь лицемѣрная, либо въ одномъ человѣкѣ живутъ два человѣка, и не человѣкъ уже, не личность, а только какая-то отвлеченная часть человѣка высказываетъ то, что умиляетъ насъ въ его поэзіи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.